

УДК 347.77

А.А. ИСМАНЖАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Кыргызско-Узбекский Университет, г. Ош

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОХРАНОСПОСОБНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМАТИКА ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается проблематика замкнутости концепции охраноспособной информации в законодательстве и юридической науке СНГ. Предлагаются пути ее расширения посредством правовой регламентации новых информационных объектов права. Исследование нацелено на установление объективного плюрализма объектов права, необходимого для беспрепятственного развития информационной индустрии.

Неотъемлемым признаком XXI в. как эры новых информационных технологий является беспрецедентный рост количества информации, являющейся объектом интенсивного международного информационного обмена. Новой вехой в нынешнем витке развития типов и разновидностей информации является появление новых электронно-информационных объектов права, претендующих на роль объектов частного права. Это такие информационные продукты, как информационный контент, мультимедиа, электронные книги и др. Их динамичность, интерактивность, транспортабельность, чуткое реагирование на запросы рынка и использование передовой информации обеспечило их популяризацию и нарастающую потребность пользователя.

Вопреки интенсивному развитию электронного информационного обмена, дальнейшая эволюция информационных объектов права ни в науке информационного права, ни в информационном законодательстве не получает должного развития. Право интеллектуальной собственности как подотрасль гражданского права в развитых странах мира является наиболее гибким инструментом обеспечения регламентации новых объектов права. Вопреки этому, в реалиях стран СНГ оно показывает консервативность и противодействует рецепции новых информа-

ционных объектов права. По мнению А.П. Сергеева, "проблема, однако, состоит в том, как создать соответствующий правовой механизм, не прибегая к коренной ломке сложившихся правовых институтов и не ставя препятствий для развития научно-технического прогресса" [1].

Несмотря на применимость авторского права к большинству информации, создаваемой творческим трудом человека, оборот информации как объекта авторского права требует заключения лицензионного договора, что не всегда соответствует интересам потребителя. Это, в частности, связано с возможностью манипулирования и контроля пользователя со стороны лицензиара, зачастую согласно условиям срочного договора. Этот вопрос также усугубляется всемирно нарастающей тенденцией отягчения ответственности за посягательства на интеллектуальную собственность.

Лицензионные отношения с информационными продуктами не являются наилучшим правовым режимом информационного обмена, так как тяготеют к односторонней политике лицензиаров, поддерживаемых гигантами информационной индустрии – странами Запада, стремящимися к монополизму в информационной индустрии. Отмеченная тенденция прямо подтверждается ведущими западными учеными в области информационного права [2].

В указанных условиях критически важно развивать альтернативные правовые модели электронного информационного обмена и обеспечивать новым информационным объектам правовую форму. На взгляд автора, в реалиях стран СНГ стагнирующую роль в рассматриваемой проблеме играет отсутствие оперативной связи права с информационной индустрией, где развитие последней во много раз опережает развитие права, а сама информационная индустрия уже играет конформистскую, а не руководящую роль в правовой регламентации информационных отношений.

О наличии пробела в регламентации информационных объектов права свидетельствует объективно существующий разрыв между категориями "интеллектуальной собственности" и "коммерческой тайны" как объектами права, обеспечивающими правовую регламентацию и защиту информации. Очевидно, что между резко контрастирующими ограниченной коммерческой тайной и общедоступной информацией должна существовать группа других информационных объектов права, вводимых в гражданский оборот, но вместе с тем охраняемых законом.

Предполагается, что указанную роль должно выполнять право собственности на информацию, которая не ограничивает распространение информационных продуктов, и вместе с тем предусматривает гарантии прав собственника при сохранении у автора исключительных прав на информационное произведение. К сожалению, с принятием новой редакции Федерального Закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27 июля 2006 г. почти устоявшееся право собственности на информацию было заменено "правом доступа" к ней [3]. Предоставление пользователю права доступа, в отличие от полноценного права собственности, также является политикой лицензиаров, что ведет к сужению правомочий прав потребителей по отношению к приобретаемой информации, склоняя чашу весов правомочий в сторону лицензиаров. Это в свою очередь способствует ограничению принципа "свободы договора" и ущемлению прав потребителей в целом.

Новоявленная часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. [4], призванная охватить и детально рассмотреть результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, также умалчивает о праве собственности на информацию и о ее охраноспособности вообще.

Попытки регламентировать информационные объекты права имелись также в гражданском законодательстве некоторых стран СНГ, например, в Кыргызской Республике, где помимо коммерческой тайны был внедрен институт "права на нераскрытую информацию" [5]. Несмотря на признание договорного обмена указанной информации, дальше коммерческой тайны эта концепция не пошла, так как для признания охраноспособности должна отвечать признакам коммерческой тайны. Вследствие этого нормы рассматриваемого института в практике так и не были востребованы.

Многообещающей также была концепция "информационного продукта", введенная Федеральным законом РФ "Об участии в международном информационном обмене" от 4 июля 1996 г. [6]. Информационный продукт, по сути, претендовал на роль отечественной формы товарной информации, а также варианта решения вопроса о способе информационного обмена. К сожалению, указанная форма электронной товарной информации потеряла правовое обеспечение с отменой закона, регламентирующего его. Несмотря на такой не четко обоснованный казус, идея информационного продукта была принята в обиход информационной индустрией и перенята законодательством стран СНГ.

Одной из предпосылок подобной неудачной эволюции информационных объектов права является существование в постсоветском пространстве тезиса об ограниченности охраноспособной информации, согласно которому "под охраноспособной информацией понимаются различного рода тайны (коммерческая тайна, тайна частной жизни; служебная тайна, профессиональная тайна и др.)" [7]. Между тем "тайность", или ограниченность, является одним из признаков охраноспособности информации, а

не напротив, только тайна может быть охраноспособной. Более того, режим коммерческой тайны не предназначен для обеспечения широкого гражданского оборота информации (особенно в сети Интернет), при котором она может утратить свой правовой статус.

Такой же неприемлемой для информационного обмена оказалась правовая форма "документированной информации", задача которой заключается в обеспечении устойчивости и идентифицируемости информации. Между тем, все более осознаваемая идея относительно информации состоит в том, что ценность информации состоит в возможности ее распространения – "информация по своей природе предназначена быть распространяемой" [8]. Об этом говорит и популяризация такого определяющего признака информации, как возможность "передачи одним субъектом другому" [9].

Таким образом, законодатель на данном этапе развития оставляет информационную индустрию с исконной концепцией "информации" как таковой, современное видение которой приняло такую форму, как "сведения независимо от формы их представления" [3]. Вариантом решения вопроса о правовом обеспечении информационного обмена остается применение к информации категории объектов гражданского права. Унитаризм гражданского права применительно к информации, предоставляющей правовую охрану только коммерческой тайне, может быть легко преодолен неисчерпывающим характером объектов гражданских правоотношений. При этом в качестве объекта права следует принимать не закрепленный законом перечень объектов права, а его научное определение, – как "материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают и осуществляются гражданские правоотношения" [10].

Простота указанного решения имеет свою обратную сторону. Практика работы информационных компаний показала, что модель "объекта гражданского права", традиционно оперирующего с "вещами", не всегда состыковывается с электронными информационными объектами права. В частности, вовлечение в гражданский оборот

информации может игнорировать исключительные права автора, создавать необходимость усиления конфиденциальности предмета договора обязательствами о неразглашении и последующем нераспространении, порождать новые вопросы о качестве предмета договора, оценке активов, обновлении и актуализации, полезном эффекте информации и др., поэтому может рассматриваться только как полумера.

В соответствии с этим, в настоящее время существует необходимость расширения круга информационных объектов права и пересмотра стереотипа отнесения защищаемой информации исключительно к коммерческой тайне. Таким образом, потребности жизненной практики таковы, что в правообъектности, в особенности в ее новых электронных разновидностях, требуется гораздо больше информации.

Решение касательно определения нового информационного объекта права можно найти по аналогии с "информационным контентом" США, под которым согласно п. 37 "Типового Закона об информационных сделках" понимается "информация, предназначенная для сообщения или восприятия личностью в обычном использовании информации, или эквивалента этой информации" [11]. Гораздо более существенное значение имеет вопрос содержания, вкладываемого в такую форму, а точнее о признаках и свойствах такого информационного объекта права.

Так как правовая форма информационного контента в США служит механизмом ограничения и контроля передачи информации, а не регулирования его гражданского оборота, в концепции информационного объекта права стран СНГ можно внести некоторые собственные положительные инновации. Так, для оптимизации нового информационного объекта права следует отобрать наиболее успешные положения разных институтов права, регулирующих информацию. Для этого существует потребность в совмещении передачи объектов гражданско-правового договора, защиты прав приобретателя информации посредством института права собственности, ограничения несанкционированного распространения информации третьим лицом от института лицензирования и т.д.

Если же все-таки не удастся в ближайшем будущем создать правовую регламентацию новых видов информации, то в науке и юридической практике не следует увязывать возможность признания охраняемой информации с коммерческой тайной, блокируя развитие объектов права и информационной индустрии в целом.

В масштабах крупнейших регионов Российской Федерации и Средней Азии, обладающих колоссальным объемом информационных ресурсов, а также мощным интеллектуальным потенциалом, необходимость правовой регламентации новых информационных объектов права существует не только как устранение пробела в законодательстве, но также и как вопрос создания правового поля для становления отечественной информационной индустрии.

Список литературы

1. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ПБЮЛ Гриженко Е.М., 2001. – С. 17.
2. Lawrence Lessig. The future of ideas. Vintage books. – NY, 2006. – P. 355.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
4. Гражданский кодекс РФ (ч. IV) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Кыргызской Республики. Ч. II. – В 4 т. Т. IV. – Бишкек: Академия, 2005. – 656 с.
6. Об участии в международном информационном обмене: Федеральный Закон РФ от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 28. – Ст. 3347.
7. Ковалева Н.Н. Информационное право России: учеб. пособие. – М., 2007. – С. 39.
8. Anne W. Branscomp. Who owns the information. BasicBooks. – NY, 1994. – P. 183.
9. Боев В.М., Павельева О.Г. Информационное право: учеб. пособие. Ч. 1. / ГУАП. – СПб., 2006. – С. 10.
10. Пиляева В.В. Гражданское право: учебник. Частичная и особенная. – М.: ТК Велби, 2004. – С. 72.
11. Uniform Computer Information Transactions Act // National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. Denver, Colorado, July 23-30, 1999.

В редакцию материал поступил 12.03.09.

Ключевые слова: охраноспособная информация, информационный объект права, информационная индустрия, авторское право, право собственности на информацию, информационный продукт.